

«Стихийный философ» на границе эпох: роман А. Варламова «Лох»

Статья обращена к роману А. Варламова «Лох» (1995), в котором заложены константы позднейшего романного творчества писателя. Рассмотрены проблематика, образный мир этого оригинального биографического повествования о «стихийном» русском философе. Идет речь о художественном постижении национального феномена интеллигентского правдоискательства, о восприятии персонажами современности, их отношениях с социальной средой и историческим временем. Делаются выводы о ключевых стратегиях литературного письма А. Варламова в данном произведении.

Ключевые слова: современная русская литература, реалистическая проза, Варламов, русское правдоискательство, образ интеллигента.

Iliya Nichiporov

"Spontaneous Philosopher" on the Border of Epochs: Varlamov's Novel "Loch"

The article is directed to the novel by A. Varlamov "Loch" (1995), which contains some of the constants of the later novelistic work of the writer. The problematics, the figurative world of this original biographical narration about the "spontaneous" Russian philosopher are considered. We are talking about the artistic comprehension of the national phenomenon of intellectual truth-seeking, about the perception of modernity by the characters, relations with social environment and historical time. Conclusions are made about the key strategies of A. Varlamov's literary writing in this work.

Key words: modern Russian literature, realistic prose, Varlamov, Russian truth-seeking, the image of an intellectual.

Проза Алексея Николаевича Варламова (род. в 1963), в особенности его романы «Лох» (1995), «Купол» (1999), «Купавна» (2000), «11 сентября» (2003), «Душа моя Павел» (2018), зачастую тяготеет к жанровой форме «романа воспитания» (авторский подзаголовок к последнему из названных произведений) и обращена к художественному осмыслению личности молодого современника, чье становление приходится на полосу коренных изменений в общественной жизни. Разрабатывая значимые для своего поколения московской

университетской интеллигенции сюжеты, мифопоэтические коды, писатель обнаруживает «склонность к повторениям, возвращениям к одним и тем же образам и ситуациям» [3, с. 6], вживается в мироощущение «героев, потерявших себя» [4], «детей сложного времени» [4], от романа к роману размышляет, по существу, об «одном и том же герое, пытающемся найти некую недоданную ему правду... инфантильно, невнятно надеющемся обрести себя вновь» [4]. Настроения этого «нового лишнего» [2, с. 5] человека – «интеллигента в ситуации рубежа веков» [2, с. 5] балансируют между привязанностью к родному, душевно освоенному пространству и самозабвенными поисками «земли обетованной» [2, с. 5], неприкаянным скитальчеством, комплексом блудного сына [3, с. 12], а потому его то осознанное, то стихийное правдоискательство граничит с «бытийной неопределенностью в сознании» [2, с. 9].

Роман «Лох» [1], воссоздающий атмосферу позднесоветских лет, разнонаправленные импульсы начала 90-х гг., отразил процесс формирования пространственно-временных, мотивных координат позднейших романов Варламова. В индивидуальном портрете ровесника автора Александра Тезкина преломился *архетипический для русской культуры образ героя-правдоискателя – странника, мистика, подчас пронизательного социального аналитика.*

В экспозиционном представлении Тезкина, третьего сына в семье, родившегося в апреле 1963 г. на окраине Москвы у Крестьянской заставы и втайне крещенного матерью в церкви, задается излюбленная у Варламова *стратегия биографического повествования.* В скрупулезной локализации намечающегося романного сюжета проступают бессознательные движения персонажа, его подвластность стихии Эроса, возникают его спонтанные литературные опыты. Пребывание на Бисеровом озере привнесло в судьбу 15-летнего юноши волнующую телесную близость с дачницей – «художницей двадцати с лишним лет», которой он позировал и от печали расставания с которой «принялся писать роман не роман, повесть не повесть, а какие-то отрывистые воспоминания о прожитом лете». У Тезкина, как будто в созвучии с фольклорными историями о младшем сыне, не было «ни ума, ни житейской ловкости старших братьев», что во внутренней жизни восполнялось, однако, творческой интуицией, «таинственным предощущением смерти и необыкновенной влюбчивостью во все женское». Его зачарованность воспитательницей в детском саду, позднее «хорошенькой математичкой» Серафимой Хреновой, ответившей ему «чисто женским презрением», выдавала врожденное, религиозное в своей природе *томление по отблескам немеркнувшей, лично к нему обращенной красоты,* которую он будет напряженно искать в отношениях с Козеттой, Машиной, Любушкой...

Окончание школы в 1980-м в обстановке «наглухо задраенной олимпийской Москвы» становится для Тезкина, который «единственный из всего класса не стал поступать в институт», первым косвенным соприкосновением с эпохой. Он и его приятель Лева Голдовский, юный интеллигент с «пылким сердцем», прочитавший «уйму книг от Ветхого Завета до полузапретных Фрейда и Ницше» и не принятый на философский факультет вследствие полужидкого происхождения, рисуются как стремительно входящие в чреватую скорыми переменами жизнь *герои времени* – эти «двое милых мальчиков из интеллигентных семей эпохи развитого социализма».

Смещение романного действия в сферу душевных состояний персонажа, взгляды в оттенки сокровенного и, как окажется, судьбоносного для Тезкина чувства к медсестре Боткинской больницы Кате-Козетте, в его не поддающееся словесному выражению «странное впечатление» от случайного посещения церкви сопровождается у Варламова *эпическим расширением панорамы современности*. Армейская служба в Забайкалье, необходимость охранять здесь колонию усиленного режима обернулись для Тезкина не только физической мукой, отчуждением от среды, но и тем, что он, «дитя безбожного времени», впервые испытал *потребность в мистическом чувстве*, его душа «в ту пору уже парила над бытом»; не ведая о личном богообщении, Тезкин обращался к звездному небу, задумывался о посмертной жизни, «беседовал с готовящейся принять его вечностью».

Прохождение героя Варламова через болевой опыт образует одну из смысловых опор романного сюжета. Когда оставшиеся в прошлом армейские впечатления «оттаивали и превращались в грязь», его душа «замутилась и начала по-настоящему страдать». Отчасти самовнушенный стереотип «заблудшего сына» раскрывается в системе перекрестных сопоставлений Тезкина с братьями, особенно с успешным Евгением, преподавателем русского языка иностранцам, который в ту пору оформлял загранкомандировку и «был зол на балбеса изрядно», слевой, прозябающим в своем Кожухово с ТЭЦ, окружной железной дорогой под окнами и тараканом на стене, разглядывающим карту мира с мечтой «вырваться из этого проклятого круга» фабричной окраины. «Заблудший сын» стал главным предметом материнских молитв Анны Александровны – сотрудницы коммунистического издательства и вместе с тем женщины, плачущей в церкви. Дух меняющегося времени тонко передан автором в противоречивом совмещении окостеневшей социальной роли с насущными сердечными чаяниями героини, ведь «кто бы отличил ее от десятков других, так же молящих и сокрушающихся о своих бедах».

Странничество центрального персонажа составляет в произведении ключевую ось романного действия, задает ритм повествования о современности. Не вписавшись в систему социальных амплуа 80-х гг., Тезкин, «на манер» буреизвестника революции, подается на юг, бродяжничает «на Дону и на Днепре», живет в Одессе, Ялте, Почаевской лавре, устраивается в столовую пионерлагеря Гурзуфа... Умиротворение от «праздности жизни» он обретает в «последнее покойное лето огромной страны» на исходе брежневского правления. Сны и видения Тезкина, которому исподволь мерещилось «что-то тревожное», синхронизируются в романе с пунктирным изображением исторического и культурного фона, иллюзорной незыблемости государства, покоящегося под безнадежно дряхлеющей властью и не подозревающего о том, что вскоре «двое партийных деятелей провинциального масштаба поделят между собой Черноморский флот».

Уход Тезкина в область частного, уединенного существования в период работы санитаром на Скорой помощи таил так и не решенное противоречие между «сытой сонливостью», следованием социальной инертности и желанием «пробовать барахтаться... беречь душу прежними думами». Знаковым событием оказывается его случайное знакомство на пирушке в доме напротив Киевского вокзала с девицей по прозвищу Машина – «созданием причудливым, но неприхотливым», остро, несмотря на домашнюю мишуру, переживающим отъединенность от родителей, связанных «служебным браком». Сближение с Машиной-Машей, страстные свидания с ней в квартире ее бабушки – воспитанницы Смольного института, а теперь гардеробщицы в Доме культуры «Красный Октябрь» – побуждают Тезкина, словно в противовес холодам вьюжной андроповской зимы, к тому, чтобы «помолиться Богу», и еще в большей степени к *вдохновенному мифотворчеству*: о Машиной бабушке как «почаевской страннице», о снятой в Филях квартире, об открывающихся беременностью возлюбленной горизонтах личной жизни, мгновенно отмененных, впрочем, «одной из тех операций, что так часто свершаются ныне на святой Руси».

Примечательны в романе композиционные параллели между *вариантами интеллигентского странничества* в перестроечные и первые послеперестроечные годы. Леве Голдовскому, оправдывающему корневое значение своей фамилии, жизненно необходимым видится превозмогание социальной ущемленности, нависания над собой «ненавистных труб Пролетарского района». Склоняясь к штольцевскому активизму, надеясь соединить смыслы и практическую деятельность, он входит в «блистательный мир» состоятельных людей, «мирно

жующих тосты и жульен», но вскоре переживает «обидное изгнание из бо-монда»; увлекается «американской мечтой», уезжает в США, однако, оказавшись на пороге ее осуществления, разочаровывается в ней, бросает все и налегке бежит в Москву, к любимой Анечке из Электроуглей; загорается идеей русского мессианизма и затевает культуртрегерский проект с «вояжами по Руси для западных интеллектуалов», с турами к «подпольному русскому философу» Александру Тезкину, поселившемуся в домике на берегу речки Березайки.

Правдоискательство же Тезкина отличалось ярче выраженной мистической подоплекой, окрашивалось чертами юродства. Намеренно ослабляя связи со средой и зависимость от злобы дня, он уезжал в «сонные городки», вроде Боровска, Дмитрова или Коломны, «зачитывался названиями созвездий, туманностей и облаков... близость к тому миру уже отравила его разум». Встреча в Коломне с бывшей возлюбленной, ныне «замужней дамой» Козеттой «разбудила в нем его вечную и единственную страсть – страсть к звездному небу». В поисках интеллектуального подкрепления мистических озарений он неожиданно для себя поступает на физический факультет университета и «очаровывает сердца экзаменаторов непобедимой страстью к небесной тверди». Автор, еще в повести «Здравствуй, князь!» (1992) выразивший любовь к университетскому миру и понимание его непростого внутреннего устройства, заставляет своего персонажа – «великовозрастного недоросля» – «худо-бедно прорываться сквозь сессии... в очередной раз уезжать в Егорьевск, Зарайск или Малоярославец», недоумевать от парадоксов студенческой жизни, чувствовать себя здесь «маленьким и храбрым идеалистом». Когда на политическом небосклоне «взошла неверная звезда Михаила Меченого» и «проходил фестиваль молодежи и студентов», именно в университете герой Варламова, по-прежнему не желавший «менять штормовку и брезентовые брюки на костюм-тройку», надеется найти *нравственную и интеллектуальную альтернативу застойной современности*. «Его университетом» стали не столько академические занятия, сколько «тесный дружеский круг факультетских умников», которые «вели опасные разговоры» и «презирали компромиссы». Тем более горькими окажутся для него отчуждение от товарищей, в чьих глазах он, «больной, не закончивший университета и выгнанный из собственного дома лаборант со ста десятью рублями оклада... был жалок», и решительное разочарование в «университетских звездах», обратившихся в перестроечные времена в брокеров, председателей кооперативов, которые «где-то крутились, что-то организовывали». Исповедально пронзительна, риторически эффектна и показательна для интеллигентского умонастроения переломного времени развернутая отповедь Тезкина в адрес бывшего окружения: « – Да, я совок! – заорал пьяный

Тезкин. – Да, я с теми, кто никогда и ни при какой власти преуспевать не будет, кто был и будет в глазах любого начальства, кем бы оно себя ни именovalo, племсом. Я с теми, кто не успевает так быстро привыкать и отвыкать, кто рас-терян, сбит с толку, но чувствует нутром, что его хотят в очередной раз облапошить. Кто всю жизнь вкалывал, тот имеет право на нормальную жизнь. Я не понимаю, почему опять целое поколение должно приноситься в жертву ради весьма сомнительного грядущего изобилия, почему опять надо что-то строить и пере-страивать, а не просто жить?»

Поворотные моменты биографии героя-правдоискателя искусно соотне-сены в романе с историческими вехами. Так, разрыв 23-летнего Тезкина с уни-верситетом, когда для него «вопросы метафизики окончательно взяли верх над физикой», совпал с Чернобылем, определившим, в оценке автора, «начало рас-пада и переход в другое состояние всей российской жизни».

Трехлетние труды на метеостанции на Онежском озере, попытка возвра-щения в родительский дом, уединение на опустевшей даче в Купавне в разной мере послужили Тезкину источниками надежды на то, что «судьба дала ему шанс все исправить». Однако окрыляющий «зов к познанию мироздания», эпи-зодическая включенность в политическую борьбу – на Онеге стал вести агита-цию за бойкотирование фарсовых выборов, прослыл антисоветчиком и «воз-мутителем спокойствия» – в восприятии «стихийного философа», пишущего бесконечныйopus «о типах цивилизации и движении по кругу человеческой истории», пересиливаются социальным пессимизмом. Он прозревает, как во-преки эйфории от того, что «воздух был пропитан надеждой», что близка сво-бодная от бремени коммунизма жизнь, остался «один рыбок – и мы свалим зверя», его и многих современников «снова загоняют в стойло», а в поверх-ностных политических баталиях общественное сознание упускает из виду, что на перепутье «застыла огромная молчаливая страна».

Вкус к постижению инобытия влечет героя Варламова то к научным изыс-каниям, когда в НИИ он занимается расшифровкой снимков из космоса, то к апокалиптическому мистицизму («из книг читал только Библию и ждал знаме-ния») в сочетании с принципиально внецерковной позицией, гуманистически объясняемой самому себе желанием оказаться не в спасительном «Ноевом ков-чеге» для избранных, а вместе с людскими множествами вне церковной ограды. Метания от «самостийного» проповедничества, «самозванной пастыр-ской деятельности» в пору странствий, готовности «проповедовать даже в психдиспансере» к отшельничеству «в медвежьем углу Тверской губернии» обусловлены его раздвоенностью между упоением своей ролью «человека слу-

чайного», «лишь наблюдателя и летописца этого времени», с которого «молодость опадала... как шелуха... обыкновенная человеческая жизнь точно кончилась», мрачными наблюдениями того, как «все люди вокруг него играли в какую-то игру», – и подлинным открытием иного страдающего «я», когда, например, он «ощущал одиночество отца и его покорность перед стоящей в палате смертью», а потом «молил Бога за отца», видением единства бытия, скрытого в случайных пересечениях и наложениях многих лиц: «Тезкин подумал, что его отец, эта девушка, старухи в церкви, священник – все эти люди с кроткими, страдающими глазами образуют одно целое, они связаны между собою, и больше всего на свете он боялся бы выпасть и эту связь с ними разорвать».

Сюжетный рисунок романа Варламова соткан из парадоксальных параллелей, высветляющих противоречия в позиции правдоискателя и освобождающих его изображение от излишней патетичности. Так, принципиальное дистанцирование героя от текущих новостей и событийной канвы переломного 1991-го в диапазоне от новоогаревского процесса до обретения мощей Серафима Саровского, отсутствие энтузиазма по поводу «разгона сиятельной КПСС», убежденность в том, что ему, читающему «ветхозаветных пророков и Апокалипсис», с «этим миром не по пути», – отчасти нейтрализуются зарисовкой того, как во время путча Тезкин слевой «поучаствовали в истории... допивали бутылку водки с танкистами из Кантемировской дивизии». Своей религиозной интуицией Тезкин пытается объять вселенский масштаб, проникнуть в «мистическую глубину... мгновения Пасхальной ночи», когда мир замирает на грани небытия, однако силой Воскресения «снова качнулась земля... планета понеслась навстречу Светлому утру». При этом его снижающими «двойниками» выведены и «полоумный интеллигент» из Питера, который, попав на Онегу, «начал пить горькую» и «через полгода утонул», и проигравший уличному наперсточнику «лох» – мальчик «с фотоаппаратом», потерявшийся в «зачумленном городе» и наивно искавший справедливости у милиционера. Обреченность на роль беспомощного обывателя, «лоха» в истории приводит героя к тотальному отвержению любых искусственно выработанных сценариев общественного выбора. Глядя на «энергичных распорядителей» и «бодрых вождей» в августе 91-го, «Тезкин вдруг подумал, что все повторяется: все снова делятся на чистых и нечистых, на тех, кто допущен на эти сверкающие этажи, пьет кофий и дает многочисленные интервью, и тех, кто мокнет под дождем. И пройдет не так много времени, как иные из пришедших сюда будут вспоминать эту ночь с недоумением и обидой, как тот приезжий мальчик с фотоаппаратом». По иронии обстоятельств, не мыслитель Тезкин, способный «вперить взгляд в славословящее Создателя небо», а находчивый «средний тезкинский братец»

Евгений принимает священный сан, пастырски наставляет Леву, который все «острее чувствовал свое ничтожество и слабость перед высшей силой», и преподает Тезкину последнее Причастие.

Поездка в Германию, где жизнь Тезкина «добралась до последнего поворота», с одной стороны, дарит ему заветное воссоединение с Козеттой – воплощением надежды на долгожданное личное счастье, а с другой – пародийно оттеняет его былые мессианские увлечения и интеллектуальные построения. «Стихийный философ» благодетельствован щедрым немцем – «поклонником российских философов и брошенных деревень», он читает лекции о России в частной гимназии, пьет пиво, толкуя «о Бердяеве и Павле Флоренском», – тогда как его легкие уже были безнадежно запущены, а «по телевизору показывали несчастную, корчившуюся в судорогах распада страну». Характерное для письма Варламова «взаимодействие художественных принципов реалистической и мифологической систем» [2, с. 4] в эпилоге проявилось в том, что уход героя, который умер, «не дожив трех месяцев до своего тридцатилетия», подсвечен сновидческим, в русле апокалиптических предчувствий Тезкина, откровением Левы Голдовского о надвигающемся страшном «спокойствии» последних времен: «Люди завершали свои земные дела, убирали дома и доделывали работу, прощали друг другу все обиды и грехи, надеясь на скорую встречу по ту сторону бытия, и два космонавта, кружившие на орбите, с интересом наблюдали, как уходят в вечную жизнь сперва Америка и Австралия, затем Азия и Африка, после них Европа. И только светилась еще во мгле Россия, не то как покидающий последним корабль капитан, не то потому, что больше всех накопилось в ней грехов. Но вот стала гаснуть и она, уменьшаясь в размерах до Московского государства, как мечтали ее недруги, и точно отдавая Богу те земли, что некогда огнем и мечом присоединили к себе ее цари, – она вспыхивала, пока не угасла вся. Лишь по чьей-то забывчивости светилась маленькая точка между Питером и Москвою, где по-прежнему жили три одинокие старухи, три ветхие мойры, которых не взяли на небо и не сказали, что история закончилась, оставив охранять сокровища потухшей земли и память о ее смешных обитателях».

Итак, роман А. Варламова «Лох» может быть осмыслен как один из начальных в его творчестве опыт в жанре «романа воспитания». В коллизиях биографического повествования, психологических и мифопоэтических параллелях, в рефлексии героя, запечатлении событий и неясных гулов современности постигаются противоречия русского интеллигентского правдоискательства в новейшую эпоху – с личными драмами, прозрениями и иллюзиями, тайновидением и горьким самоощущением в качестве бессильного «лоха» и жертвы истории.

Список литературы

1. Варламов А. Лох. Электронный ресурс. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lox-aleksej-varlamov/> (дата обращения: 01.07.2021).
2. Счастливецва Ю. А. Проза Алексея Варламова 1980–1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: автореф. дис... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007. 21 с.
3. Федорова Т. А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. дис... канд. филол. наук. Астрахань, 2012. 17 с.
4. Федченко Н. Духовный поиск и духовные блуждания Алексея Варламова. Электронный ресурс. URL: <http://parus.ruspole.info/node/3558> (дата обращения: 01.07.2021).

References

1. Varlamov A. *Loh* [Loch]. Elektronnyj resurs. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lox-aleksej-varlamov/> (data obrashcheniya: 01.07.2021) (In Russian).
2. Schastlivceva Yu. A. *Proza Alekseya Varlamova 1980–1990-h gg.: zhanrovo-stilevoe svoeobrazie: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Prose of Alexei Varlamov 1980-1990s: genre and style originality: author. dis ... cand. philol. sciences] Magnitogorsk, 2007. 21 p. (In Russian).
3. Fedorova T. A. *Poetika prozy Alekseya Varlamova: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Poetics of prose by Alexei Varlamov: author. dis ... cand. philol. sciences] Astrahan', 2012. 17 p. (In Russian).
4. Fedchenko N. *Duhovnyj poisk i duhovnye bluzhdaniya Alekseya Varlamova* [Spiritual search and spiritual wanderings of Alexei Varlamov] Elektronnyj resurs. URL: <http://parus.ruspole.info/node/3558> (data obrashcheniya: 01.07.2021) (In Russian).